

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Апрель в Париже»



«April in Paris»

Ursula Kroeber Le Guin

editor: Alex. Rux. EIA

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Апрель в Париже»

Le Guin

“April in Paris”

1962 © Ursula Kroeber Le Guin

1962 © автор Урсула Кроубер Ле Гуин

1979 © переводчик Нора Галь

08-09.09.2017 © оформление Alex-Rus

08-09.09.2017 © редактор Alex.Rus.UA

Le Guin



РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © 1962 BY URSULA KROEBER Le Guin

Аннотация

Гениальная Урсула Кроубер Ле Гуин (Ursula Kroeber Le Guin) в своём небольшом научно-фантастическом (с лирическим налётом мистики) рассказе «Апрель в Париже» (в оригинале «April in Paris», 1962 год) предлагает читателю проникнуться вневременными переживаниями людей на фоне квадратных башен Собора Парижской Богоматери.

Произведение рекомендуется к прочтению людям всех возрастов, полов, рас и уровней эмоционально-ментального развития, а также всем (анти)гуманоидам, (квази)рептилоидам и конкретно (не)определившимся. Ну, а в перерывах между исправительно-воспитательными процедурами — агрессивным «гейропофобам», патологичным «гундяефилам», а также всяким раболепным верноподданным «руSSкага мІра» и беспринципно фанатичным апологетам «Третьего Рима», Рейха, Вавилона иже с ними...

08-09.09.2017 © Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus¹

¹ Редакция 08-09.09.2017 фантастического рассказа 1962 года «Апрель в Париже» (автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin, в оригинале «April in Paris», переводчик Нора Галь, 1979 г.) на основе текстового файла от 05.04.2001 г. (текст перевода выверен по последнему прижизненному изданию). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Апрель в Париже»

Профессор Барри Пенниуизер сидел за своим столом в холодной сумрачной мансарде и не сводил глаз с лежащей на столе книги и хлебной корки. Хлеб — его неизменный обед, книга — труд всей его жизни. И то,² и другое слишком сухо. Доктор Пенниуизер вздохнул, его пробрала дрожь. В нижнем этаже этого старого дома апартаменты весьма изысканные, однако же первого апреля, какова бы ни была погода, отопление выключается; сегодня второе апреля, а на улице дождь пополам со снегом. Приподняв голову, доктор Пенниуизер мог бы увидеть из окна две квадратные башни Собора Парижской Богоматери — неотчётливые в сумерках, они взмывают в небо совсем близко, и кажется, до них можно достать рукой: ведь остров Сен-Луи, где живёт профессор, подобен маленькой барже, что скользит по течению, как на буксире, за островом Ситэ, на котором воздвигнут собор. Но Пенниуизер не поднимал головы. Уж очень он закоченел.

Огромные башни утопали во тьме. Доктор Пенниуизер утопал в унынии. С отвращением смотрел он на свою книгу. Она завоевала ему год в Париже, — *напечатайтесь или пропадите пропадом*, сказал декан, и он напечатал эту книгу и в награду получил годичный отпуск без сохранения жалованья. Мансонскому колледжу не под силу платить преподавателям, когда они не преподают. И вот на свои скудные сбережения он вернулся в Париж и снова, как в студенческие годы, поселился в мансарде ради того, чтобы читать в Национальной библиотеке рукописи пятнадцатого века и любоваться цветущими каштанами вдоль широких улиц. Но ничего не выходит. Ему уже сорок, слишком он стар для одинокой студенческой мансарды. Под мокрым снегом погибнут, не успев распуститься, бутоны каштанов. И опостылела ему его работа. Кому какое дело до его теории — «теории Пенниуизера» — о загадочном исчезновении в 1463 году поэта Франсуа Вийона³? Всем

2 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

3 François Villon, Франсуа Вийон, Вильон (настоящая фамилия — Монкорбье или де Лож (Montcorbier, de Loges), родился между 01.04.1431 г. и 19.04.1432 г. в Париже, — год и место смерти неизвестны) — французский поэт. Воспитывался приёмным отцом капелланом Гийомом де Вийоном, имя которого носил. Учился на факультете искусств в Сорбонне, где получил звание бакалавра, затем магистра искусств (1452 г.). В 1455 г. убил в драке священника, бежал из Парижа; был помилован; вернувшись, связал свою судьбу с воровскими шайками, не раз сидел в тюрьмах. В 1463 г. осуждён за драку, приговорён к повешению. В ожидании смерти написал «Балладу повешенных». Но казнь была отменена, а Вильон изгнан из Парижа. Участвовал в состязаниях поэтов при дворе герцога Карла Орлеанского. С 1464 г. его судьба неизвестна. В 1456 г. Вийон написал поэму «Лэ» в 320 стихов, известную под названием «Малое завещание». Это насмешливая исповедь студента-бродяги, пародирующая юридический документ, произведение большой реалистической силы, полное проникновенного лиризма, иронии, грубоватого юмора. Его «Большое завещание» 1462 г. со вставными балладами («О дамах минувших времён», «Парижские женщины», «Большая Марго», etc) содержит 2023 стиха, насыщенных автобиографическими намёками. Особенно примечательны реалистические сценки из жизни парижских низов: ярко очерчены смутьяны-бродяги, воры, проститутки, трактирщики, спившиеся церковнослужители; мотивы смерти сочетаются с дерзким прославлением земных радостей, ироническим отрицанием аскетизма и ханжества. В его

наплевать. Ведь в конце концов его теория касательно бедняги Вийона, преступника, величайшего школяра всех времён, — только теория, доказать её через пропасть пяти столетий невозможно. Ничего не докажешь. Да и что за важность, умер ли Вийон на Монфоконской виселице или (как думает Пенниуизер) в Лионском борделе на пути в Италию? Всем наплевать. Никому больше не дóрог Вийон. И доктор Пенниуизер тоже никому не дóрог, даже и самому доктору Пенниуизеру. За что ему себя любить? Нелюдимый холостяк, учёный сухарь на грошовом жалованье, одиноко торчит в нетопленной мансарде обветшалого дóма и пытается накропать ещё одну неудобочитаемую книгу.

— Витаю в облаках, — сказал он вслух, опять вздохнул, и опять его пробрала дрожь.

Он поднялся, сдёрнул с кровати одеяло, закутался в него и, вот так неуклюже замотанный, снова подсел к столу и попытался закурить дешёвую сигарету. Зажигалка щёлкала вхолостую. Опять он со вздохом поднялся, достал жестянку с вонючим французским бензином, сел, снова завернулся в свой кокон и щёлкнул зажигалкой. Оказалось, немало бензина он расплескал. Зажигалка вспыхнула — и доктор Пенниуизер тоже вспыхнул, от кистей рук и до пят.

— Проклятие! — вскрикнул он, когда по пальцам побежали язычки голубого пламени, вскочил, неистово замахал руками, и всё чертыхался и яростно негодовал на Судьбу. *Вечно всё идёт наперекосяк. А чего ради он старается?* Было 2 апреля 1961 гóда, 8 часов 12 минут вечера.

В холодной комнате с высоким потолком сгорбился у стола человек. За окном, позади него, маячили в весенних сумерках квадратные башни Собора Парижской Богоматери. Перед ним на столе лежали кусок сыра и громадная рукописная книга в переплёте с железными застёжками. Книга называлась (по-латыни): «*О главенстве стихии Огня над прочими тремя стихиями*». Автор смотрел на неё с отвращением. Неподалёку, на железной печурке, медленно закипало что-то в небольшом перегонном аппарате. Жеан Ленуар то и дело машинально пододвигал свой стул поближе к печурке, пытаясь согреться, но мысли его поглощены были задачами куда более важными.

стихах содержатся размышления об утраченной юности, неразделённой любви и горькой нужде, «матери всех преступлений», предчувствие неизбежной гибели, покаянные молитвы; всё это перебивается иронией, порой благодушной, порой язвительной. Не чужды ему и патриотические настроения («Баллада против врагов Франции»). Стих Вийона гибок и музыкален. Поэту послушны и ритм, и рифма, и сложная строфика баллады с рефренами. Язык его вмещает говор городского мещанства, воровской жаргон, риторику учёной Сорбонны, архаизмы в описаниях рыцарской старины. Наследниками Вийона стали писатели, уже свободные от средневековой морали (П. Гренгор, М. Ренье, К. Маро, Ф. Рабле). С похвалой отзывались о нём поэты классицизма и Просвещения (Ж. Лафонтен, Н. Буало, Мольер, П. О. К. Бомарше), романтики (В. Гюго, Т. Готье), позднее — символист П. Верлен. На русский язык Вийона переводили В. Я. Брюсов, Н. С. Гумилёв, И. Г. Эренбург. Трагическая, полная приключений судьба поэта являлась темой поэтических и романтических интерпретаций (Р. Л. Стивенсон, Ф. Карко, К. Эдшмид, П. Г. Антокольский, etc). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Проклятие! — сказал он наконец на французском языке эпохи позднего средневековья, захлопнул книгу и поднялся.

Что если его теория неверна? Что если первоэлемент, главенствующая стихия — вода? Как возможно доказать подобные мысли? Должен же существовать некий путь... некий метод... чтобы можно было увериться твёрдо, бесповоротно хотя бы в одной истине! Но каждая истина влечёт за собою другие, такая чудовищная путаница, и все великие умы прошлого противоречат друг другу, да ведь никто и не станет читать его книгу, даже эти жалкие учёные сухари в Сорбонне. Они сразу чувствуют ересь. А чего ради он старается? Чего стоит его жизнь, прожитая в нищете и одиночестве, если он так ничего и не узнал, а только путался в догадках и теориях? Он яростно шагнул по мансарде из угла в угол и вдруг застыл на месте.

— Хорошо же! — сказал он Судьбе. — Прекрасно! Ты не дала мне ничего, так я сам возьму то, чего хочу!

Он подошёл к кипе книг — книги повсюду штабелями громоздились на полу, — выхватил из-под низу толстый том (причём поцарапал кожаный переплёт и поранил пальцы, так как фолианты, что лежали сверху, обрушились), с размаху швырнул книгу на стол и принялся изучать какую-то страницу. Потом всё с тем же застывшим на лице выражением мятежного вызова приступил к приготовлениям: *сера, серебро, мел...* В комнате у него было пыльно и нахламлено, однако на небольшом рабочем столе порядок безукоризненный, все колбы и реторты под рукой. И вот всё готово. Он чуть помедлил.

— Это нелепо, — пробормотал он и глянул в окно, туда, где теперь еле угадывались во тьме две квадратные башни.

Под окном прошёл стражник, громко выкрикнул время — *восемь часов*, вечер холодный, ясный. Тишина такая, что слышно, как плещет в берегах Сена. Жеан Ленуар пожал плечами, нахмурился, взял кусок мела и начертил на полу, подле стола, аккуратную *пентаграмму*, потом взял книгу и отчётливо, хоть и несмело, начал читать вслух:

— Haere, haere, audi me⁴...

Заклинание такое длинное и почти сплошь — бессмыслица. Голос Ленуара звучал всё тише. Стало скучно и как-то неловко. Наскоро пробормотал он заключительные слова, закрыл книгу — и шарахнулся, привалился спиной к двери и ошеломлённо, во все глаза уставился на непонятное явление: внутри пентаграммы возник кто-то огромный, бесформенный, освещённый только голубым мерцанием, исходящим от огненных лап, которыми он неистово размахивал.

Барри Пенниуизер наконец опомнился и погасил огонь, сунув руки в складки одеяла, которым был обмотан. Он даже не очень обжёгся, только отчасти утратил душевное равновесие, и опять подсел к столу. Поглядел на

4 Внемли и повинуйся (лат.). (ориг. прим.)

свою книгу. Глаза у него стали круглые. Перед ним лежала уже не тощая книжка в серой обложке под названием «*Последние годы Вийона, исследование различных возможностей*». Нет, это был тяжёлый том в коричневом переплёте, и назывался он «*Incantatoria Magna*»⁵. У него на столе? Бесценная рукопись 1407 года? Да ведь единственный список её, который пощадило время, хранится в Милане, в Амброзиевской библиотеке!⁶ Пенниуизер медленно обернулся. И медленно раскрыл рот от изумления. Обвёл взглядом железную печурку, рабочий стол, уставленный ретортами и пробирками, неправдоподобные тома в кожаных переплётах — они громоздились на полу, десятка три солидных кип, — окно, дверь. Знакомое окно, знакомая дверь. Но у двери съёжился на полу кто-то маленький, бесформенный, чёрный, и от этого существа исходил сухой частый треск, точно от погремушки.

Барри Пенниуизер не отличался особой храбростью, но он был человек рассудительный. Он подумал, что сошёл с ума, и потому сказал совершенно спокойно:

— Вы кто, дьявол?

Существо содрогнулось и продолжало стучать зубами.

Профессор мельком глянул туда, где высился неразличимый в темноте собор, и для пробы перекрестился.

Тут непонятное существо вздрогнуло, но не отпрянуло. Потом еле слышно что-то сказало, оно отлично говорило по-английски... нет, оно отлично говорило по-французски... нет, оно довольно странно говорило по-французски.

— Значит, вы есть Господь Бог, — сказало оно.

Барри встал и попытался его рассмотреть.

— Кто вы такой? — властно спросил он.

Существо подняло голову — лицо оказалось самое обыкновенное, человеческое — и кротко ответило:

— Я *Жеан Ленуар*.

— Как вы попали в мою комнату?

Короткое молчание. Ленуар поднялся с колен, выпрямился во весь свой невеликий росточек — пять футов и два дюйма⁷.

— Эта комната — моя, — сказал он наконец с ударением, хотя и вполне вежливо.

Барри обвёл взглядом книги и колбы. Ещё минута прошла в молчании.

— Тогда как же я сюда попал?

5 Великие заклęcia (лат.). (ориг. прим.)

6 В оригинале вопросительный знак вместо восклицательного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

7 В метрической системе 5 футов и 2 дюйма — это примерно 157 ½ см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я перенёс вас сюда.

— Вы маг?

Ленуар с гордостью кивнул. Он весь преобразился.

— Да, я маг, — промолвил он. — Да, это я перенёс вас сюда. Если Природе не угодно открыть мне знания, так я могу покорить её, Природу, я могу сотворить чудо! Тогда к дьяволу науку! Я был учёным... с меня довольно! — Он устремил на Барри пылающий взор. — Меня называют глупцом, еретиком, что ж, клянусь богом, я и того хуже! Я колдун, доктор чёрной магии, я, *Жеан*, чья фамилия означает *Чёрный*! Магия действует, так? Стало быть, наука — пустая трата времени. Ха! — фыркнул он, но по лицу совсем не видно было, чтобы он торжествовал. — *Лучше бы она не подействовала*, — сказал он тише и зашагал назад и вперёд между кипами книг.

— Я тоже предпочёл бы, чтобы ваша магия не подействовала, — отозвался гость.

— Кто вы такой? — Ленуар вскинул голову и с вызовом поглядел в лицо Барри, хотя тот был на голову выше.

— Меня зовут *Барри Пенниуизер*. Я профессор, преподаю французский язык в Мансонском колледже, штат Индиана, провожу⁸ отпуск в Париже — продолжаю изучать позднее французское средневеко... — Он запнулся. Вдруг он понял, что за произношение у Ленуара и почему его зовут не просто Жан, а *Жеан*. — *Какой сейчас год? Какой век?* Прошу вас, доктор Ленуар... — Лицо у француза стало растерянное. Слова не только звучат по-иному, изменилось, кажется, и самое их значение. — Кто правит вашей страной?! — закричал Барри.

Ленуар пожал плечами — истинно французский жест (есть вещи, которые не меняются).

— Королём сейчас Людовик, — сказал он, — Людовик Одиннадцатый. Гнусный старый паук.

Несколько минут они стояли недвижимые, точно вырезанные из дерева индейцы у дверей табачной лавки, и в упор смотрели друг на друга.

Ленуар заговорил первый:

— Так, значит, вы — человек?

— Да. Послушайте, Ленуар, по-моему, вы... ваши заклинания... должно быть, вы что-то *напутали*.

— Очевидно, — сказал алхимик. — А вы француз?

— Нет.

8 В оригинале «провожаю» (первое «о» латиницей). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Англичанин? — Глаза Ленуара гневно вспыхнули. — Проклятый британец!

— Нет. Нет, я из Америки. Я из... вашего будущего. Из двадцатого века от рождения Христова.

Барри покраснел. Это прозвучало преглупо, а он был человек скромный. Но он знал:⁹ *ничего ему не мереится*. Он у себя в комнате, но сейчас она совсем другая. Эти стены не простояли пяти веков. Здесь не стирают пыль, но всё новое. И том Альберта Великого в кипе у его колен — новёхонький, в мягком, ничуть не высохшем переплёте из телячьей кожи, и ничуть не потускнело тиснённое золотом название. И стоит перед ним Ленуар — не в костюме, а в каком-то чёрном балахоне, человек явно у себя дома...

— Пожалуйста, присядьте, сударь, — говорил меж тем Ленуар. И прибавил с изысканной, хотя и рассеянной учтивостью учёного, у которого за душой ни гроша: — Должно быть, вы утомлены путешествием? Не окажете ли мне честь разделить со мною ужин? У меня есть хлеб и сыр.

Они сидели за столом и жевали хлеб с сыром. Сперва Ленуар попытался объяснить, почему он решился прибегнуть к чёрной магии.

— Мне всё опостылело, — сказал он. — *Опостылело!* Я работал не щадя себя, в уединении, с двадцати лет, а чего ради? Ради знания. Дабы познать иные тайны Природы. Но познать их не дано.

Он с маху на полдюйма¹⁰ вонзил нож в доску стола, Барри даже подскочил. Ленуар маленький, щупленький, но, видно, нрав у него пылкий. И лицо прекрасное — хоть и очень бледное, худое, но столько в нём ума, живости, одухотворённости. Пенниуизеру вспомнилось лицо прославленного атомного физика, чьи фотографии появлялись в газетах вплоть до 1953 года. Наверно, из-за этого сходства у него и вырвалось:

— Иные тайны познать дано, Ленуар; мы не так уж мало всякого узнали...

— Что же? — недоверчиво, но с любопытством спросил алхимик.

— Ну, это не моя область.

— Умеете вы делать золото? — спросил Ленуар с усмешкой.

— Нет, кажется, не умеем, но вот алмазы у нас делают.

— Каким образом?

9 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

10 В метрической системе ½ дюйма — это около 13 мм. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Из углерода... ну, в общем, из угля... при огромном нагреве и под огромным давлением, как я понимаю. Вы же знаете:¹¹ и уголь,¹² и алмаз — тот же углерод, один и тот же элемент.

— Элемент?!

— Ну, я ведь говорил, сам я не...

— Который из всех — *первозлемент*? Который главенствующая стихия? — закричал Ленуар, вскинув руку с ножом, глаза́ его сверкали.

— Элементов около сотни, — стараясь не выдать испуг, сдержанно ответил Барри.

Два часа́ спустя, выжав из Барри до последней капли все остатки сведений по химии, которые тот когда-то получил в колледже, Ленуар выбежал в ночь и вскоре возвратился с бутылкой.

— О господин мой! — кричал он. — Подумать только, что я предлагал тебе всего лишь хлеб и сыр!

В бутылке оказалось чудесное бургундское урожая 1477 го́да, добрый выдался год для винограда. Они выпили по стаканчику, и Ленуар сказал:

— Если бы я мог тебя хоть как-то отблагодарить!

— Вы можете. Знакомо вам имя поэта Франсуа Вийона?

— Да, знаю, — не без удивления сказал Ленуар. — Но он ведь только сочинял *какую-то чепуху, на французском сочинял, а не на латыни*.

— А знаете вы, *когда* и *как* он умер?

— Ну конечно. Его повесили *здесь*, на Монфоконе, то ли в шестьдесят четвёртом, то ли в шестьдесят пятом, с шайкой таких же негодников. А что тебе до него?

Ещё два часа́ спустя бургундское иссякло, горло у обоих пересохло, за окном чуть брезжил ясный холодный рассвет, и стражник выкрикнул *три часа́*.

— Я дико устал, Жеан, — сказал Барри. — Отошли-ка меня обратно.

Алхимик не стал спорить, слишком он был учтив, полон благодарности, а вдобавок, пожалуй, тоже совсем выдохся. Барри стал столбом внутри пентаграммы — высокий, костлявый, закутанный в обгорелое одеяло, с дымящейся сигаретой в зубах.

— Прощай, — печально молвил Ленуар.

— До свиданья, — отозвался Барри.

Ленуар начал читать заклинание задом наперёд. Пламя свечей затрепетало, голос алхимика зазвучал тише.

11 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

12 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Me audi, haere, haere! — прочёл он, вздохнул и поднял глаза. Пентаграмма была пуста. Трепетал огонёк свечей. — А я узнал так мало! — вскричал Ленуар в пустоту комнаты. Потом забарабанил кулаками по раскрытой книге. — И *такой* друг... *истинный* друг...

Он закурил сигарету из тех, что оставил ему Барри, — он мигом пристрастился к табаку. Так, сидя за столом, он уснул и проспал часá три. Пробудившись¹³, посидел немного в хмуром раздумье, снова зажжёт свечу, выкурил вторую сигарету, а потом раскрыл книгу под названием «*Incantatoria*» и начал читать вслух:

— Haere, haere...

— О, слава богу! — сказал Барри, поспешно выступил из пентаграммы и стиснул руку Ленуара. — Послушай, я вернулся *туда*, в эту комнату, в эту самую комнату, Жеан! Но она была такая старая, ужасно старая и пустая, тебя там не было... и я подумал, *господи, да что же я наделал?* Я готов *дúшу* продать, лишь бы вернуться назад, к нему... Что мне делать со всем тем, что я узнал в прошлом? Кто мне поверит? Как я всё это докажу? Да и кому, чёрт возьми, рассказывать, когда всем на это наплевать? Я не мог уснуть, битый час сидел и проливал слёзы...

— Ты хочешь здесь *остаться*?

— Да. Вот, я прихватил... на случай, если ты опять меня *вызовешь*. — Он несмело выложил восемь пачек всё тех же сигарет «Голуаз»¹⁴, несколько книг и золотые часы. — За эти часы могут дать хорошую цену, — пояснил он. — Я знал:¹⁵ от бумажных франков толку не будет.

При виде печатных книг глазá Ленуара загорелись любопытством, но он не двинулся с мёста.

— Друг мой, — сказал он, — ты говоришь, что готов был продать *дúшу*... ну, сам понимаешь... Готов был и я. Но мы ведь этого *не сделали*. Так как же... в конце концов... *как всё это случилось?* Оба мы люди. Не дьяволы. Не было договора, подписанного кровью. Просто два человека, оба жили в этой комнате...

— Не знаю, — сказал Барри. — Это мы продумаем после. Можно, я останусь у тебя, Жеан?

— Считай, что ты у себя, — сказал Ленуар и с большим изяществом обвёл рукою комнату, груды книг, колбы и реторты, свечу, огонёк которой уже побледнел. За окном, серые на сером небе, высились башни Собора Парижской Богоматери. Занималась заря третьего апреля.

13 В оригинале великогомучее «Пробудясь». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

14 В оригинале так и было «Голуаз» (не исправляю), хотя наверняка подразумевается «Galois», т. е. «Галуа». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

15 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

После завтрака (корки хлеба и обрезки сыра) они вышли из дому и взобрались на южную башню. Собор был такой же, как всегда, только стены не такие закопчённые, как в 1961 году, но вид с башни порастил Пенниуизера. Внизу лежал совсем небольшой городок. Два островка застроены домами; на правом берегу теснятся, обнесённые крепостной стеной, ещё дома; на левом несколько улочек огибают здание университета; и это всё. Между химерами Собора, на тёплом от солнца камне, ворковали голуби. Ленуар, которому этот вид был не нове, выцарапывал на парапете (римскими цифрами) дату.

— Надо отпраздновать *этот* день, — сказал он. — Съездим-ка за город. Уже два года я не выбирался из Парижа. Поедем вон *туда*... — Он показал на зелёный холм вдали, там сквозь утреннюю дымку чуть виднелись несколько хижин и ветряная мельница. — ... На Монмартр, а? Говорят, там есть неплохие кабачки.

Их жизнь быстро вошла в покойную колею. Поначалу Барри чувствовал себя неуверенно на людных улицах, но Ленуар отдал ему запасной чёрный плащ с капюшоном, и в этом одеянии он если и выделялся в толпе, то разве лишь высоким ростом. Во Франции пятнадцатого века он, вероятно, был самый рослый из людей. Условия жизни убогие, вши — неизбежное зло, но Барри и прежде не очень гнался за комфортом; всерьёз ему доставало только чашки кофе к завтраку. Они купили кровать, бритву (свою Барри забыл прихватить), Жеан представил его домовладельцу как мсье Барри¹⁶, своего родича из Оверни, и теперь их повседневная жизнь окончательно устроилась. Часы Пенниуизера принесли им баснословное богатство — четыре золотых монеты, довольно, чтобы прокормиться целый год. Продали они эти часы как диковинную новинку, сработанную в Иллирии; покупатель, камергер двора его величества, как раз подыскивал достойную вещь в подарок королю; он поглядел на марку фирмы: «*Братья Гамильтон, Нью-Хейвен, 1881*», — и с понимающим видом кивнул. К несчастью, не успев ещё вручить своё подношение, он угодил за решётку, в одну из клеток в замке Тур, куда Людовик XI¹⁷ сажал провинившихся придворных, и те часы, быть может, поныне лежат в тайнике за каким-нибудь кирпичом в развалинах Плесси; однако двум учёным мужам это ничуть не повредило.

С утра они разгуливали по городу, любовались Бастилией и парижскими храмами либо навещали разных второстепенных поэтов, которыми интересовался Барри; после завтрака рассуждали об электричестве, о теории атома, о физиологии и прочих материях, коими интересовался Ленуар, производили небольшие химические и анатомические опыты — как правило, неудачные; после ужина просто беседовали. В долгих непринуждённых беседах они переносились через века, но под конец неизменно возвращались сюда, в полутёмную комнату с окном, настежь открытым весенней ночью, к своей дружбе. Через две недели уже казалось, будто они знают друг друга всю жизнь. Они были совершенно *счастливы*. Оба понимали — им не удастся применить знания, полученные друг от друга. Как мог бы Пенниуизер в 1961-м доказать истинность своих познаний о

16 В оригинале «Барр'и» с апострофом, но возможно, таким образом передаётся мягкий знак в произношении. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

17 В оригинале «XI», т. е. кириллическая «X». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

старом Париже? Как мог бы Ленуар в 1482-м доказать истинную ценность научного метода познания? Обоих это ничуть не огорчало. Они и прежде всерьёз не надеялись, что хоть кто-то их выслушает. Они жаждали только одного — *познавать*.

Итак, впервые за всю свою жизнь оба они были счастливы; настолько счастливы, что в них стали пробуждаться кое-какие желания, которые прежде задушены были жаждой знаний.

Однажды вечером, сидя за столом напротив Жеана, Барри сказал:

— Я полагаю, ты никогда особенно не помышлял о женитьбе?

— Да нет, — неуверенно ответил друг. — Всё же я лицо духовное, хоть сан мой и скромн... да и как-то было не до женитьбы...

— И это удовольствие не из дешёвых. Да притом в моё время ни одна уважающая себя женщина не захотела бы жить, как жил я. Американки до дьявола самоуверенны и деловиты, блистательны, но наводят на меня страх...

— А наши женщины маленькие и чёрные, как жуки, и у них гнилые зубы, — мрачно сказал Ленуар.

В тот вечер о женщинах больше не говорили. Но заговорили назавтра, и на следующий вечер, а на третий друзья удачно препарировали икряную самку лягушки, выделили нервную систему, распили, чтобы отпраздновать такой успех, две бутылки Монраше 1474 года и порядком захмелели.

— Читай-ка заклятие, Жеан, вызовем *женщину*, — сладострастным басом предложил Барри и ухмыльнулся, точно химера на Соборе.

— А вдруг на этот раз я вызову *дьявола*?

— Пожалуй, *разница невелика*.

Они неудержимо расхохотались и начертили пентаграмму.

— *Naere, haere...* — начал Ленуар.

Тут его одолела икота, и за дело взялся Барри. Дочитал до конца. Налетел порыв холодного вётра, запахло болотом — и в пентаграмме возникло совершенно обнажённое существо с длинными чёрными волосами и дикими от ужаса глазами, оно отчаянно визжало.

— Ей-богу, это *женщина*, — сказал Барри.

— *Разве?*

Да, это была женщина.

— На, вот тебе мой плащ, — сказал Барри, потому что несчастная вся тряслась, испуганно тараща глаза.

И накинул плащ ей на плечи. Женщина машинально завернулась в плащ, пробормотала:

— Gratiis¹⁸ ago, domine¹⁹.

— *Латынь!* — вскричал Лемуар. — Женщина — и говорит по-латыни?!

Он был этим столь глубоко потрясён, что даже *Бота* быстрее оправилась от перенесённого ужаса. Оказалось, она была рабыней в доме супрефекта Северной Галлии, жил супрефект на меньшем из островов затерянного в болоте островного города, называемого *Лютеция*. По-латыни Бота говорила с сильным кельтским акцентом и даже не знала, кто был римским императором в то время, из которого она явилась. *Истинная дочь варварского племени*, презрительно заметил Лемуар. Да, правда, она была невежественная, молчаливая, смиренная дикарка с гривой спутанных волос, белой кожей и ясными серыми глазами. Заклятие вырвало её из глубины крепчайшего сна. Когда два приятеля наконец убедили её, что они ей не снятся, она, видно, приписала случившееся какой-то прихоти своего чужеземного всемогущего господина — супрефекта, и приняла свою участь, не задаваясь больше никакими вопросами.

— Я должна вам служить, господа мои? — осведомилась она робко, но не хмуро, глядя то на одного, то на другого.

— Мне — нет, — проворчал Лемуар и прибавил по-французски, обращаясь к Барри: — Валяй, действуй; я буду спать в чулане.

Он вышел.

Бота подняла глаза на Барри. Никто из галлов и мало кто из римлян отличался таким великолепным высоким ростом; ни один галл и ни один римлянин никогда не говорил с нею так по-доброму.

— Светильник почти догорел, — сказала она (то была свеча, но Бота никогда прежде не видела свеч). — Задуть его?

За добавочную плату — два соля в год — домовладелец разрешил им устроить в чулане вторую спальню, и Лемуар теперь опять спал в большой комнате мансарды один. На идиллию друга он смотрел с хмурым интересом, но без зависти. Профессора и рабыню соединила нежная, восторженная любовь. Их счастье переливалось через край, обдавая и Лемуара волнами радостной заботливости. Горька и жестока была прежняя жизнь Боты, все видели в ней только женщину, но никто не обращался с нею как с человеком. А тут за какую-то неделю она расцвела, воспрянула духом — и оказалось, под кроткой покорностью таилась натура жизнерадостная, быстрый ум. Однажды ночью Жеан услышал (стенки чердака были тонкие), как Барри упрекнул её:

— Ты становишься заправской парижанкой.

И она ответила:

18 В оригинале «Gratios». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

19 Благодарю, господин (лат.). (ориг. прим.)

— Знал бы ты, как я счастлива, что не надо всегда ждать опасности, всего бояться, всегда быть одной...

Ленуар сел на постели и глубоко задумался. К полуночи, когда всё кругом затихло, он поднялся, бесшумно приготовил щепотки серы и серебра, начертил пентаграмму, раскрыл драгоценную книгу. И чуть слышно, опасливо прочитал заклятие.

Внутри пентаграммы появилась маленькая белая собачка. Она съёжилась, поджав хвостик, потом несмело подошла к Ленуару, понюхала его руку, поглядела в лицо ему влажными ясными глазами и тихонько, просительно заскулила. *Щенок, потерявший хозяина...* Ленуар её погладил. Собачка лизнула ему руки и стала прыгать на него вне себя от радости. На белом кожаном ошейнике, на серебряной пластинке, выгравирована была надпись: *«Красотка. Принадлежит Дюпону, улица Сены, 36, Париж, VI округ».*

Красотка погрызла хлебную корку и уснула, свернувшись в клубок под стулом Ленуара. Тогда алхимик опять раскрыл книгу и начал читать, всё так же тихо, но на сей раз без смущения, без страха, уже зная, что произойдёт.

Наутро Барри вышел из чулана-спальни, где проводил он медовый месяц, и на пороге остолбенел. Ленуар сидел на своей постели, гладил белого щенка и увлечённо беседовал с особой, что сидела в изножье кровати, — высокой огненно-рыжей женщиной в серебряном одеянии. Щенок залаял. Ленуар сказал:

— Доброе утро!

Рыжая женщина чарующе улыбнулась.

— *Чёрт меня побери,* — пробормотал Барри (по-английски). Потом сказал: — Доброе утро. Откуда вы взялись?

Эта женщина походила на кинозвезду Риту Хейворт, только облагороженную... Пожалуй, сочетание *Риты Хейворт и Моны Лизы?*

— *Я с Альтаира, примерно из седьмого тысячелетия после вашего времени,* — ответила она и улыбнулась ещё очаровательней. По-французски она говорила похуже какого-нибудь первокурсника-футболиста из американского колледжа. — Я археолог, веду раскопки в развалинах Третьего Парижа. Извините моё прескверное произношение, ваш язык мы, понятно, знаем только по надписям.

— С Альтаира? Со звезды? Но вы с виду совсем земная женщина... так мне кажется...

— Люди с Земли поселились на нашей планете примерно четыре тысячи лет назад... то есть через три тысячи лет от вашего времени. — Она засмеялась ещё того очаровательней и взглянула на Ленуара. — Жеан мне всё объяснил, но я ещё немного путаюсь.

— *Опасно* было повторять этот опыт, Жеан! — с упрёком сказал Барри. — До сих пор нам, знаешь ли, просто на редкость везло.

— Нет, — возразил француз, — это *не просто везенье*.

— Но в конце концов ты шутики шутишь с *чёрной магией*... Послушайте... не имею чести знать вашего имени, сударыня...

— *Кеслк*²⁰, — назвалась она.

— Послушайте, Кеслк, — без малейшей запинки продолжал Барри. — В ваше время наука, должно быть, невообразимо ушла вперёд... скажите, есть на свете какое-то *колдовство*? Существует оно? Можно ли и вправду нарушить законы Природы — ведь вот, похоже, *мы их нарушаем*?

— Я никогда не видела подлинного колдовства и не слыхала ни об одном научно подтверждённом случае.

— Тогда что же происходит?! — завопил Барри. — Почему это дурацкое старое заклятие служит Жеану, всем нам — только оно одно и только здесь, больше ни у кого и нигде не случилось ничего подобного за пять... нет, за восемь, нет, за пятнадцать тысяч лет, что существует история? Почему так? Почему? И откуда взялась эта чёртова собачонка?

— Собачка потерялась, — сказал Ленуар, смуглое лицо его было очень серьёзно. — Потерялась на острове Сен-Луи, где-то неподалёку от этого дома.

— А я разбирала черепки на месте жилого дома на Втором острове, четвёртый участок раскопок, сектор Д. Такой чудесный весенний день, а мне он был ненавистен. Просто *отвратителен*. И этот день, и работа, и все люди вокруг. — Кеслк опять поглядела на сурового маленького алхимика долгим, спокойным взглядом²¹. — Сегодня ночью я пыталась объяснить это Жеану. Понимаете, мы *усовершенствовали человечество*. Все мы теперь очень рослые, здоровые, красивые. Не знаем, что такое *пломбы*. У всех черепов, раскопанных в Ранней Америке, в зубах пломбы... Среди нас есть люди с коричневой кожей, и с белой, и с золотистой. Но все — красивые, здоровые, уравновешенные, напористые, преуспевающие. Профессию и степень успеха для нас заранее определяют в государственных детских домах. Но изредка попадаются *гены с изъяном*. Вот как *у меня*. Меня учили на археолога, потому что наши учителя видели, что я, в сущности, не люблю людей, тех, что вокруг. Люди наводили на меня скуку. С виду все — такие же, как я, а внутренне все мне чужие. Если всюду кругом одно и то же, где найти дом? ... А теперь я увидела не слишком чистое и не слишком тёплое жилище. Увидела собор, а не развалины. Встретила человека меньше меня ростом, с испорченными зубами и пылким нравом. Теперь я дома, здесь я могу быть сама собой, я больше не одна!

— *Не одна*, — негромко сказал Ленуар Пенниуизеру. — *Одиночество*, а? Одиночество и есть колдовство, *одиночество сильнее всякого колдовства*... в сущности, это не противоречит законам Природы.

20 В оригинале «Кеслк», т. е. «е» латиницей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

21 В оригинале «взглядом». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Из-за двери выглянула Бота. Лицо её, обрамлённое непослушными чёрными волосами, разругалось. Она застенчиво улыбнулась и по-латыни учтиво поздоровалась с гостьей.

— Кеслк не понимает по-латыни, — с истинным наслаждением сказал Ленуар. — Придётся поучить Боту французскому. И ведь *французский* — это язык любви, так? Вот что, выйдем-ка в город, купим хлеба, я проголодался.

Он завернулся в свой траченный молью чёрный балахон, а Кеслк поверх серебряной туники набросила надёжный, всё скрывающий плащ. Бота причесалась. Барри рассеянно поскрёб шею — вошь укусила. А потом все отправились добывать завтрак. Впереди шли алхимик с межзвёздным археологом и разглагольствовали по-французски; за ними следовали галльская рабыня и профессор колледжа из штата Индиана, держась за руки и разговаривая по-латыни. На узких улицах былолюдно, ярко светило солнце. Высоко в небо вздымались квадратные башни Собора Парижской Богоматери. Рядом играла мягкой зыбью река. Был апрель, и в Париже, по берегам Сены, цвели каштаны.

1962 © Урсула Кроубер Ле Гуин

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

«Апрель в Париже» Урсула Кроубер Ле Гуин
«April in Paris» Ursula Kroeber Le Guin
1962 © Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин
edit: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	08-09.09.2017
Время редактирования:	01:17:41
Количество сохранений:	90

Общее количество страниц:	20
Общее количество абзацев:	232
Общее количество слов:	5585
Общее количество символов:	35421

Copyright © 1962 by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 1979 by Нора Галь (переводчик)

*Copyright © 08-09.09.2017
by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus*



Le Guin